

Дианиных подруг я зрю, богинь бегущих,
Златой на раме лук.
Ты медлишь здесь, олень, а рок твой близко ходит:
Оставь свой сладкий мох.
Пугливый житель рощ напрасно след отводит:
Издаст последний вздох.

Мотивы постоянной грусти, одиночества находят воплощение в заключительной оде «Новых лирических опытов», создают своеобразный лирический настрой.

В неопубликованном сборнике «Новых лирических опытов 1776 г.» поэт расширяет привычные границы одического жанра, открывает одну из важнейших граней своего поэтического таланта, а именно – проявление личности автора в произведении, его чувствительной души, его настроения, отношения к окружающей действительности. «Быть одному с окружающей природою есть для меня восхитительное положение» [РНБ. Ф.499. № 42. Л.1], – засвидетельствует он в одном из писем. Подобную направленность мыслей и чувств сохранит Муравьев на протяжении всего поэтического творчества, что, несомненно, сблизит его с поэтами-современниками Н.А.Львовым, Г.Р.Державиным и всей поэзией XIX века.

Литература

1. РНБ. Ф.499. № 30. ЛЛ. 2 – 8.
2. РНБ. Ф.499. № № 27-30. ЛЛ. 1.
3. РНБ. Ф.499. № 27. Л.1.
4. РНБ. Ф.499. № 30. Л.1.
5. РНБ. Ф.499. № 10. Л.1.
6. РНБ. Ф.499. № 48. Л.2.
7. РНБ. Ф.499. № 48. Л.31.
8. РНБ. Ф.499. № 42. Л.1

Т.В.Федосеева

*Рязань, Рязанский государственный университет
имени С.А.Есенина*

«Оскольд» М.Н. Муравьёва в контексте предромантического жанра «старинной повести»

Одно из свойств эстетики предромантизма, заявившей о себе в русской литературе на рубеже XVIII–XIX веков – сближение поэтического мира с действительным. Особенно привлекательными для предромантиков, в

современной им действительной жизни и в отдаленном прошлом, были те явления, которые содержали в себе выражение идеальных начал мира. В этом русле развивался интерес к истории, что было чрезвычайно близко М.Н.Муравьеву. Современность мыслилась им как результат духовно-нравственного развития человечества, с одной стороны, с другой – условие совершенствования общества в будущем. И.З. Серман по этому поводу заметил: «В красоте одновременно нравственной и воплощенной в произведениях искусства видит Муравьев ту силу, которая может перевоспитать человека и человечество, помочь личности преодолеть эгоизм, присущий человеку от природы, и в служении добру найти гармоническое сочетание личного интереса и общественного блага» [Серман 2002].

На русских писателей предромантического периода, как уже не раз было отмечено отечественными литературоведами, заметное влияние оказали европейские просветители, были восприняты идеи И.-Г.Гердера о «духе народа» и «духе времени». М.Н.Муравьев не был исключением. В его прозе отразилась сложная система исторических взглядов, выстроенная в процессе критического усвоения идей европейского Просвещения и содержащая «целый ряд самостоятельных выводов» [Фоменко 1981: 184].

В трудах историографов рубежа веков Э.Л.Афанасьев замечает соответствующее умонастроениям Муравьева слияние рационального мышления с «практической моральной философией» [Афанасьев 2002: 28-29]. В свете трагических событий Французской революции история в своем движении осмыслялась как выражение метафизической воли, Промысла. Метафизика истории была особенно привлекательна для писателей порубежного периода тем, что способствовала, объединяя прошлое с настоящим и будущим, воссозданию общей картины национальной жизни, выработке цельной исторической концепции. А.В.Петров пишет: «В центр историософских построений могли быть поставлены не историческая личность или эпоха, а сами идеи и концепции...», при этом «историческое сознание писателя предромантизма приобретает индивидуальное значение» [Петров 2012: 85].

В историческом сознании нашло, судя по всему, свое выражение движение религиозной мысли второй половины XVIII века. Суть его В.Зеньковский определил как «переход теократической идеи христианства от “освящения” истории и идеи “священной миссии” власти к проповеди преображения мира» [Зеньковский 1948: 63]. Среди религиозных мыслителей было замечено стремление обрести равновесие веры и разума, традиционного для православного сознания метафизического

понимания мира с рационалистическим его осмыслением. Мерилом всех вещей провозглашался человек. Так, Г.Сковорода писал, что «всех наук семена сокрыты внутри человека» и что в глубине каждого человека есть «Царство Божие» и «царство зла» [Зеньковский 1948: 43, 57]. Теократическая идея Церкви осознается, как идея преображения через внутреннее обновление человека [Зеньковский 1948: 64].

Писатели, обратившиеся в своем творчестве к исторической теме, опирались на разнообразные источники. Становящаяся новая русская проза была представлена большим количеством текстов, в основании которых лежали летописные сюжеты, воспринятые с позиции произошедших в сознании русского человека рубежа веков перемен. По справедливому суждению В.И.Резанова, в них всегда предполагалась большая доля вымысла: «...исторический элемент совершенно растворяется в среде, созданной фантазией автора» [Резанов 1916: 73].

При жизни автора прозаические произведения М.Н.Муравьева были опубликованы лишь частично, они вошли в сборник «Опыты истории, письмен и нравоучения» (СПб., 1796), представленный несколькими экземплярами. Как предполагают исследователи его творчества, сборник носил учебный характер и предназначался для чтения воспитанников Муравьева, великих князей Александра и Константина Павловичей, по истории, литературе, этике [Левин В. 1965: 183]. Уже после смерти автора, в 1810 году, В.А.Жуковский напечатал в редактируемом им «Вестнике Европы» принадлежавшие Муравьеву «Разговоры мертвых»: «Карл XII и Святослав I», «Гораций и Кантемир», и неоконченную повесть «Оскольд» с подзаголовком «повѣсть, почерпнутая изъ отрывковъ древнихъ Готфскихъ Скальдовъ». Вошли эти повествовательные сочинения и во второй том опубликованного Н.М.Карамзиным сборника сочинений Муравьева «Опыты истории, словесности и нравоучения» с его кратким предисловием, позднее – в Полное собрание сочинений писателя.

В основе сюжета повести «Оскольд» (1794–1796) – рассказ о походе на Царьград объединенных северных народов: чуди, варягов, славян, кривичей, мери – сообщение о котором в разных вариантах встречается в древнерусских летописях. Чаще в них имя славянского князя, возглавившего поход, встречается в написании «Аскольд». Муравьеву, очевидно, был знаком текст опубликованной в 1767 году Никоновской летописи, где наряду с более распространенным «Аскольд» встречается написание имени князя «Оскольд» [Русские летописи 1767: 37-38]. Повествование о самом походе в летописи отсутствует. Речь в ней идет о тяжелых его последствиях: был в Киеве «плач велик» (в связи с большими потерями

оскольдова воинства) и в том же году «глад велик» (очевидно, как наказание за посягательство на православные святыни Византии).

В повести М.Н.Муравьева, напротив, самым подробным образом описано войско Оскольда, покровительствуемое Одином (старшим богом в скандинавской мифологии). Походу, соответственно Никоновской летописи, дан религиозный характер: языческие народы стремятся в Царьград, чтобы отстоять веру своих предков. Объединяет участников похода, любовно описанных автором повести, патриотические чувства и жажда славы. Они красивы, мужественны, сильны, у каждого свой характер и своя история прежних побед. Встречаются в повествовании имена летописных героев – старейшины кривичей Сигурда, Дулеба, Добрыни, Вадима новгородского, «свиного Рогдая», «исполинского вида» Челубея. Участники похода воодушевлены желанием отстоять веру и обычаи предков. И все же автор несколько раз упоминает о воле Одина, по его «стопам» ведет свое войско Оскольд, которому вверено «предпріятіе, толико ему [Одину] драгоцѣнное, униженіе Греціи»¹.

В самом начале повести обозначена главная ее тема – героического подвига, неизбежно приносящего боль утраты. Безымянная дочь русских князей, оплакивает погибшего жениха. Ее скорбью вызваны размышления автора о бренности всего земного, тленности человеческого тела и вечной жизни духа. Вечность открыта поэту-скальду, от имени которого идет речь в повести: «Взоръ Скальдовъ проникаеть столѣтія, и въ столѣтіяхъ гласъ ихъ не умираеть». Оскольд, руководимый Одином, стремился лишь к земному: он «не убоялся подвергнуться трудамъ, опасностямъ, смерти, чтобы присвоить столько сокровищъ, столько наслажденій самому себѣ и племени своему». Гибель в бою для него желанна: «Смерть, къ которой поспѣшають безвспахотно челоувѣки, можетъ ли извѣстностію своею удержать насъ отъ сіяющаго поиска славы? Бѣдственна ли смерть умирающаго съ оружіемъ въ рукахъ, въ первыхъ рядахъ воинства?». Так, в повести сосредоточенность на земном противопоставлена осознанию вечной жизни духа. У Муравьева поход под предводительством Оскольда происходит по воле противостоящих друг другу богов, славянских и греческих.

Включается в повествование и сознание героя – храброго предводителя войска славян. Ночью, накануне отправления к водам Борисфена (одно из древних названий Днепра), Оскольд томится смутным предчувствием. Привлеченный «вздохами и стенаниями как бы человека умира-

---

¹ Муравьев М.Н. Оскольд, повесть, почерпнутая из отрывков древних готфских скальдов // Полн. собр. соч. М.Н. Муравьева в 3 ч. СПб., 1819. Ч. 1. С. 270–298. Далее цитируется по этому изданию.

ющего насильственной смертью», оказывается в священном лесу, месте поклонения языческим богам. Здесь он вступает в поединок с призраком некогда убитого им соперника Рингвальда: «Гнѣвъ заступилъ мѣсто удивленія въ Оскольдѣ: уже блестящій мечъ его разсѣкалъ воина; но тѣло воздушнаго обитателя, легко раздѣляемое ударами меча, столь же легко составлялося паки, и признакъ язвы не оставался. Багровый пламень проницалъ эфирное существо его». Из уст призрака Оскольд слышит страшное пророчество о своей гибели: «Скоро, изнемогая подъ ударами смертнаго, простертый на поляхъ Византійскихъ, извергнешь ты гордую душу, и отчаяніе видѣть надменные замыслы твои разрушенными огорчить послѣднее твое дыханіе». Предсказание призрака не поколебало уверенности героя в предпринятом им походе и Один «посылаетъ вѣждамъ его сладостное успокоеніе; собираетъ предъ одромъ его златыя мечтанія, которыя служатъ вмѣсто бытія воображенію». В центре внимания автора повести – человек, мир которого сложен, в значительной степени обусловлен обстоятельствами и находится под влиянием высшей духовной силы.

Герой повести обладает многими человеческими достоинствами, однако ему еще не ведома мудрость христианства, он живет соответственно языческим представлениям о жизни, предаваясь тщеславным мечтаньям. Он деятелен, устремлен к своей цели и, в то же время, способен к сопереживанию. Так, вспомнив горестную историю своей любви, помогает счастливому воссоединению юных Радмира и Искерды. Предыстория храброго Оскольда: соперничество с рыцарем Рингвальдом, а затем явление призрака побежденного рыцаря и сражение с ним – вводит в произведение элементы рыцарского романа. Герои повести наделяются не только мужественными и непреклонными сердцами, они живут для отечества и «держат умереть за него бестрепетно», при этом способны к нежным чувствам.

В повествовании объединяется сознание и чувство певца-скальда, героя и современного повествователя. Им в одинаковой степени свойственны гуманистические устремления, патриотические чувства, понимание любви как высшей ценности земной жизни. Трагическому характеру исторического сюжета и любовной истории каждого из персонажей соответствует общий элегический тон повествования. Он, в духе песен Оссиана, объединяет героический пафос с мотивами жертвенности, разлуки, потери любимого человека. Этому настрою вполне отвечает и характер пейзажа.

Автор соединяет описание воинства с лирическим пейзажем и рассу-

ждением о скоротечности земной жизни и героическом подвиге. Меланхолический пейзаж, песенное обращение певца к «отчаянной деве», русской княжне, имена мифологических богов и легендарных героев – все создает атмосферу древности в духе Оссиана и древнерусской поэзии. В повести создан живописный образ «старины». Обряды древних славян совмещают символику и поэтические элементы «оссианизма» («златые струны арфы», «старцы в одеждах, белейших снега») с упоминанием языческих предметов поклонения северных народов: «храм богов», «древние дубы священные». Они соседствуют с описанием поклонения славянским божествам, напоминающим христианскую обрядность: «Уже отверзаются огромные ворота священного храма, и толпа наполняет его пространные притворы...». Описание лагеря и воинов, поединок Оскольда с таинственным призраком – имеют, как показал Ю.Д.Левин, прямые параллели в сочинениях Макферсона [Левин 1980: 81-82].

Таким образом, колорит русского средневековья в повести довольно условен – собственно исторические детали, элементы мифологии, фольклора подчинены художественной задаче, решаемой автором. Ему близка просветительская концепция «естественного» человека, живущего в соответствии с законами природы, которая вполне реализовывалась в идеализированных, хотя и наделенных некоторыми историческими чертами образах. В целом же исторический сюжет служит цели выражения авторской рефлексии. В повести акцентированы любовная тема, нравственная проблематика, религиозный вопрос – все то, что особенно занимало русского человека на рубеже XVIII и XIX веков.

Вполне отвечает духу времени тип исторического мышления, выраженный в «Храме славы российских героев времён Гостомысла до царствования Романовых» (СПб., 1803) П.Ю.Львова. В Предупреждении к повести П.Ю.Львов замечает: «Сочинение сие требовало тщательного наблюдения, чтобы ни одним словом *новизны* не изменить почтенной *старине*, и для того всемирно старался я уподоблять, согласовать, сливать мысли мои, выражения, обороты речи с духом Русских сказок, песен и повестей» (выделено в источнике. – Т.Ф.) [Львов 1822, 1]. Автор осознает новаторское значение своего сочинения, называя его «первым в этом роде».

Историко-художественное повествование соединяется в нем с научно-мифологическим опытом и выражением творческой фантазии автора. Книга Львова состоит из нескольких частей. Вначале излагается основанный на древних летописях рассказ о происхождении славян и о соединении их с руссами. Далее читатель знакомится с видением-фантазией

автора на темы отечественной истории, собственно Храмом славы в подробных описаниях скульптурных изображений. «Мне казалось, – пишет автор, – что я стоял на высочайшей горе, как бы посреди земли, морей и небес; вселенная отверста была моему взору <...> возносились великолепные храмы, торжественные врата и памятники, достойные удивления» [Львов 1822, 1: 59]. В воображении автора-повествователя возникает живописная картина гармоничного мира, в котором величественная природа вполне отвечает духу мужественного и прославленного подвигами древнего славянского народа.

В следующем разделе содержались «описания кумиров и идолопоклонения славянороссов с картинками празднеств их и игрищ». Стремясь к достоверности изображения, автор ссылается на современные ему публикации фольклорных материалов, приводит подробные описания народных обрядов. Завершалось издание «Повестью о Мстиславе I Володимировиче, славном князе русском»¹. К повести автор присовокупляет замечание – «во вкусе тех давних лет», и вводит в текст многочисленные цитаты из «Слова о полку Игореве», летописей и «старинных русских песен». Львовым осуществляется попытка непосредственного соединения исторических описаний с данными по славянской мифологии, божества и герои которой приобретают аллегорическое значение.

Соединение разнородных элементов не становится органическим целым – каждая часть имеет свое особое назначение. В восприятии читателя складывается образ «старины», представленный картинками поклонения богам, ритуальных действий, рассказами о героических подвигах. В составе целого отдельные фрагменты сосуществуют не по правилам правдоподобия и единообразия, но по принципу гармонизации, и в качестве гармонизирующей доминанты выступает личность автора, от имени которого ведутся описания, рассуждения, повествование.

Таким образом, предромантический историзм повествовательного жанра складывался в соединении разнородных источников: национальных, фольклорных и летописных, литературных, классических и современных. Древнее, дохристианское и раннее христианское существование народов привлекательно для авторов своей удаленностью во времени. Обращение к «старине» не стесняло воображения и полета фантазии, предоставляло возможность для полного выражения «исторической эмоции» (определение Б.М.Эйхенбаума) [Эйхенбаум 1986: 203]. Русская «старина» была представлена как хронологически отдаленный, легендарный

---

¹ Отдельно была опубликована: Русский вестник. 1808. Ч. 4. № 11. С. 147–211.

период становления духа нации, выражающий нравственный, этический и эстетический идеал народа.

Вымысел автора, отталкивавшегося от исторического, летописного или фольклорного факта, составлял основу особой модификации повествовательного жанра, которую сами авторы определили, подчеркивая связь с древнерусской традицией, как «старинную повесть». Эта модификация жанра получила широкое распространение в русской литературе начала XIX века [Федосеева 2012: 409–433].

Научное знание об истории народа и государства в своей полноте тогда только оформлялось, в сознании образованной части общества оно совмещалось с активно осваиваемыми мифологическими, фольклорными источниками. Заложенная опытом М.Н.Муравьева, традиция «старинной повести» в начале XIX века развивалась в творчестве русских поэтов и прозаиков: А.Х.Востокова («Светлана и Мстислав», 1802), В.А.Жуковского («Три пояса», 1808; «Марьяна роща», 1809), К.Н.Батюшкова («Предслава и Добрыня», 1810) и других. В основу повествования, как правило, был положен сюжет легенды или предания. В тексте соединялись элементы поэтики целого ряда литературных и фольклорных жанров: рыцарского, «готического» романа, сентиментальной повести, былины, баллады, волшебной сказки. Любовная история сочеталась с описанием героических подвигов, поединков, сражений и битв, не исключалось участие фантастических и мифологических персонажей, таинственных мистических сил.

«Старинная повесть» предполагала воссоздание колорита эпохи в полуреальном-полуфантастическом мире, равно как и внимание к внутренней жизни персонажей. Изображение идеальных отношений между людьми, нередко сочеталось с определенной долей иронии, обусловленной сознанием несовершенства человеческой природы. В повести отчетливо выражалась авторская оценка происходящего. Повествователь, отступая от рассказа о событиях, рассуждал о вопросах бытия и проявлениях духовной силы и слабости человека.

Литература

1. *Афанасьев Э.Л.* На пути к XIX веку (Русская литература 70-х гг XVIII в. – 10-х гг. XIX в.). – М., 2002.
2. *Зеньковский В.В.* История русской философии / прот. В.В. Зеньковский. Т. 1. – Paris : YMCA press, Cop. 1948.
3. *Левин В.Д.* Карамзин, Батюшков, Жуковский – редакторы сочинений М.Н. Муравьева // Проблемы современной филологии: Сб. статей к семидесятилетию академика В.В. Виноградова. – М., 1965. – С.182–191.
4. *Левин Ю.Д.* Оссиан в русской литературе: Конец XVIII – первая треть XIX века. – Л., 1980.

5. *Львов П.* Храм славы великих россиян. Ч. 1. – М.:, 1822.
6. *Муравьев М.Н.* Оскольд, повесть, почерпнутая из отрывков древних готфских скальдов // Полн. собр. соч. М.Н. Муравьева в 3 ч. Ч. 1. – СПб.: Тип. Российской Академии, 1819–1820.
7. *Петров А.В.* Принцип-процесс историзации художественного сознания // Литература русского предромантизма: мировоззрение, эстетика, поэтика / Под ред. Т.В. Федосеевой; Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина. – Рязань, 2012. – С. 77–86.
8. Проблемы историзма в русской литературе (Конец XVIII– начало XIX в.) – Л., 1981. (XVIII век; Сб.13).
9. *Резанов В.И.* Из разысканий о сочинениях В.А. Жуковского. Вып. II. – Пг., 1916.
10. Русские летописи по Никоновскому списку, изданные под смотрением Имперской академии наук. – СПб., 1767.
11. Русский вестник. – 1808. – Ч. 4. № 11. – С.147–211.
12. *Серман И.З.* К.Н.Батюшков и М.Н.Муравьев (История одной загадки) // Батюшков: исследования и материалы: сб. научных трудов / Под ред. Р.М. Лазарчук. – Череповец, 2002. – [Электронный ресурс]: <http://www.booksite.ru/fulltext/iss/led/ova/nia/index.htm>. (Заглавие с экрана).
13. *Федосеева Т.В.* Жанр «старинной повести» // Литература русского предромантизма: мировоззрение, эстетика, поэтика / Под ред. Т.В. Федосеевой; Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина. – Рязань, 2012. – С.409–453.
14. *Фоменко И.Ю.* Исторические взгляды М.Н. Муравьева // Проблемы историзма в русской литературе. Конец XVIII– начало XIX в.: XVIII век: Сб. 13. – Л., 1981. – С.167–184.
15. *Эйхенбаум Б.М.* О прозе. О поэзии: Сб. ст. / Б. Эйхенбаум; [Вступ. ст. Г. Бялого]. – Л., 1986.

А.Н.Паикуров

Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Миф М.Н.Муравьева в русской литературной культуре: истоки

Литературная репутация¹ русских писателей XVIII века, одна из первичных форм проявления и генезиса писательского мифа, как в отдельных медальонах, так и в общей панораме системы – явление очень пестрое и неравномерно движущееся. Первая половина столетия «гениецентрична», это, по-видимому, время ярких одиночек, за каждым из

---

¹ По общей теории и истории вопроса литературной репутации, а также связанных с нею процессов генезиса авторского сознания в литературной культуре – см.такие, к примеру, исследования, посвященные разным авторам и эпохам отечественной и мировой литературы: [Антипина 2012; Краюшкина 2009; Ларкович 2012; Пахсарьян 2009]